

Нин Сяодо прекрасно знала нрав Хэ Си. Раньше она какими только способами не унижала её, но та упрямо отказывалась опускаться на колени. Стоило схватить её за волосы, и лишь совместными усилиями нескольких человек удавалось силой заставить её опуститься на землю.

И даже тогда на её лице застывало упрямое, бунтарское выражение, которое Нин Сяодо терпеть не могла больше всего. Раз уж на этот раз девчонка сама явилась к ней, да к тому же, судя по её словам, в чём-то заблуждалась, грех было упускать такое развлечение прямо у себя под носом — в конце концов, ничего не теряла.

Подумав об этом, Нин Сяодо повторила:

— Стоит тебе опуститься на колени и умолять меня, как я отпущу Мин Мэй. Сказано — сделано.

Кроме неба, земли и старших родственников, никому не хочется падать ниц и бить поклоны перед другими.

Ведь в общепринятом представлении коленопреклонение обычно означало низость и бесчестье, символизировало полное подчинение чужой воле.

В отличие от прошлых разов, когда её голову опускали силой, на этот раз Нин Сяодо добивалась, чтобы Хэ Си встала на колени по собственной воле.

Хэ Си на мгновение замерла, разрываясь между двумя решениями.

— Не хочешь? — Нин Сяодо закинула ногу на парту, с видом зрителя, жаждущего зрелищ. — Тогда потом не жалуйся, что я не дала тебе шанса. Ох, ну и ну...

Не успела она договорить, как с глухим стуком Хэ Си рухнула на колени.

На её лице застыло бесстрастное выражение, а в глазах плескались какие-то неопределенные чувства:

— Я прошу тебя, перестань цепляться к Мин Мэй.

Нин Сяодо прикрыла рот рукой и захихикала. Смеясь, она бросила:

— Дин Сяньтин, живо принеси мой телефон, я сфоткаю.

— Хорошо. — Дин Сяньтин тут же сунула руку в парту, достала телефон Нин Сяодо и протянула ей.

Нин Сяодо направила камеру на Хэ Си, постоянно подбирая лучший ракурс:

— Так, подними голову.

Та послушно подняла голову.

— Смотри в объектив глазами, а не в пол.

Та послушно перевела взгляд.

— Не стоило опускаться так прямо, в кадр не помещаешься.

Та слегка согнула ноги.

— Отлично, три, два, один, чиз.

Нин Сяодо сделала подряд несколько снимков, после чего открыла галерею, любуясь созданным собственными руками произведением искусства.

Казалось, она осталась очень довольна — на её правой щеке проступила крошечная ямочка.

— Дин Сяньтин, подойди взгляни, какая фотография лучше?

Дин Сяньтин приблизилась к телефону, внимательно всмотрелась в экран и с чувством, но несколько дежурно ответила:

— Ой, ну мастерство фотографии нашей Сяо-цзе вне всяких похвал, снимок в целом просто прекрасен, единственный изъян — это Хэ Си. Впрочем, ей даже повезло удостоиться чести самой Сяо-цзе снимать её.

Эти слова пришлись Нин Сяодо по душе. Довольно поджав губы и бросив косой взгляд на молча стоявшую на коленях Хэ Си, она нарочито озабоченно протянула:

— Дин Сяньтин, как думаешь, если я поставлю это на фон своей странички в соцсетях, нормально будет?

— Да бросьте вы, Сяо-цзе, это слишком вызывающе, испортит вам репутацию, да и она недостойна — только страницу вам испачкает.

— Пожалуй, ты права.

Вскоре в класс вошел какой-то парень. Заметив эту сцену, он невольно испуганно замер, а сердце его заколотилось.

— Сяо-цзе... я зашел в класс за... за вещью. — От напряжения голос юноши дрожал.

Нин Сяодо небрежно повела плечом:

— Пустяки, занимайся своими делами.

Парень торопливо подбежал к своей парте, схватил термос и, стараясь даже лишний раз ни на кого не смотреть, стремглав выбежал из класса.

Только после этого Нин Сяодо неторопливо опустила ногу с парты и с наигранным зевком произнесла:

— Хоть вы теперь и в ссоре, кто знает, вдруг вы еще помиритесь? Давай так: если ты пообещаешь, что с этого момента вы больше никогда не сойдетесь вновь, я, разумеется, не стану её донимать.

— Обещаю, мы больше никогда не помиримся.

Нин Сяодо внезапно покачала головой:

— Не пойдет. Простое обещание не имеет никакой силы. Как насчет того, чтобы ты произнесла страшное проклятие?

У Хэ Си дернулось веко, и три секунды спустя она медленно подняла правую руку.

— Клянусь, мы больше никогда не помиримся, если...

— Стоп! — Нин Сяодо прервала её клятву. — Слишком расплывчато. Ты должна уточнить, кто именно и с кем.

Хэ Си на мгновение замаялась, но в конце концов снова подняла руку.

— Мы с Мин Мэй после разрыва отношений больше никогда не помиримся. Если нарушу это слово — пусть я умру страшной смертью.

Нин Сяодо улыбнулась:

— Вот так-то лучше. С чего бы такой, как ты, иметь друзей? Ну что ж, раз ты опустилась на колени и умоляла меня, я держу слово и трогать её не стану. Можешь быть спокойна на все сто.

Ее ноги беззаботно болтались в воздухе, а кеды на ногах особенно приковывали взгляд — сразу было видно, что вещь баснословно дорогая. На язычке красовалась небрежная англоязычная подпись. Вглядевшись в латинские буквы, Хэ Си вдруг выдохнула:

— Спасибо.

Как же странно. Бывает человек, который бьет тебя каждый день, вызывая лютую ненависть. Но в один прекрасный день она не бьет тебя, а протягивает сладкую конфету — и вот ты уже начинаешь испытывать к ней благодарность.

Разве это разумно?

Конечно, неразумно.

Хэ Си вовсе не забыла о страданиях, причиненных ей Нин Сяодо, но в тот момент думала совсем о другом. Её волновало лишь одно: теперь-то Мин Мэй точно оставят в покое?

Подпись на кедах выглядела неразборчиво, и Хэ Си не успела до конца разобрать буквы, как Нин Сяодо резко спрыгнула с парты и, махнув рукой Дин Сяньтин, бросила:

— Что-то есть захотелось, пошли в столовую.

Лишь когда их силуэты окончательно скрылись за оконной рамой, Хэ Си медленно поднялась с колен и с бесстрастным лицом отряхнула пыль с брюк.

Выйдя из учебного корпуса, Дин Сяньтин с любопытством спросила:

— Сяо-цзе, зачем тебе понадобилось заставлять её произносить такое страшное проклятие?

— Эта Хэ Си сама напросилась, так ей и надо — пусть посидит в изоляции. К тому же у неё туго соображает голова, раз поклялась — точно сдержит слово. К тому же моя старшая сестра ведь равнодушна к Мин Мэй, так что я должна их свести. Если вдруг Мин Мэй и впрямь станет девушкой моей сестры, а потом помиритесь с Хэ Си, разве мне не станет скучно?

— Ли Буфань и впрямь нравится Мин Мэй?

— Я тут кое-что разузнала обиняками, и судя по моей интуиции и знакомству с ней — тут к

гадалке не ходи! — уверенно заявила Нин Сяодо.

На лице Дин Сяньтин на миг промелькнула тень разочарования, но тут же исчезла. Напустив на себя беззаботный вид, она снова выдавила улыбку и принялась поддакивать собеседнице.

Вскоре трехдневная осенняя спартакиада подошла к концу, и учебный процесс вернулся в привычное русло.

На уроке биологии Мин Мэй и Хэ Си, сами того не желая, оказались в одной группе.

Обе застыли возле лабораторного стола, и атмосфера между ними царила весьма своеобразная.

Мин Мэй протянула Хэ Си одноразовые перчатки. Та приняла их, но, вспомнив условия Нин Сяодо, так и не смогла выдать из себя даже простое спасибо.

Обстановка была неловкой и молчаливой.

Надев перчатки, Мин Мэй попыталась придать голосу беззаботный оттенок и тихонько произнесла:

— Не объяснишь, почему всё так?

— Никаких «почему». В письме уже всё сказано предельно ясно.

— Понятно, — откликнулась Мин Мэй с видом человека, которому всё разъяснили. Больше она не знала, как поддержать разговор, и предпочла умолкнуть.

С тех пор как было передано письмо о разрыве отношений, Хэ Си постоянно избегала её. Стоило Мин Мэй попытаться заговорить, как та тут же отворачивалась и уходила, наотрез отказываясь от общения.

Это был их первый разговор после разрыва, и, судя по всему, не самый приятный.

Снова воцарилось долгое молчание.

До самого конца урока биологии они не обмолвились больше ни словом.

— А-Мэй, что мы будем есть? Пойдем в столовую или выберемся за пределы школы?

Нога Вэнь Вань уже почти зажила: хотя прыгать ей было еще рановато, ходила она вполне

нормально. Мешавшие костыли давно полетели в угол, и едва закончился урок, как она нетерпеливо подбежала к Мин Мэй сзади, привычно обвив её руками за шею и положив подбородок на плечо. На её лице сияла сладкая улыбка.

Голос её был так же сладок, как и улыбка, а обращение «А-Мэй» звучало почти как «сестричка», неся в себе едва уловимый оттенок каприза.

Эта сцена резанула глаз. Хэ Си не стала досматривать, сняла перчатки, бросила их в урну и, боком протиснувшись мимо них, молча вышла из лаборатории.

На следующий день подоспели результаты промежуточных экзаменов.

Среди учеников естественнонаучного потока второго года обучения появилась темная лошадка.

Поглядывая на доску объявлений, где неожиданно выбилась вперед Мин Мэй, школьники только цокали языками от изумления:

— Ничего себе, просто всех обошла! Настоящая богиня учебы!

— Это та самая Мин Мэй из радиоузла? Неужели небеса действительно забыли закрыть перед ней окно?

— Не оставляет остальным ни единого шанса на выживание. Как подумаю, что мне вместе с ней сдавать выпускные экзамены, аж в дрожь бросает.

— Ну, не факт. Вдруг она нацелилась на какие-нибудь олимпиады и получит рекомендацию без экзаменов? Твою полосу препятствий не займет.

Проходившая мимо доски объявлений Ли Буфань прислушалась к галдежу одноклассников и тоже с любопытством протиснулась в толпу, изучая списки лучших результатов:

Первое место: Мин Мэй, 2-й год обучения, класс «5», 728 баллов.

Второе место: Ли Буфань, 2-й год обучения, класс «1», 692 балла.

Третье место: Хэ Чжи, 2-й год обучения, класс «1», 685 баллов.

...

Она не стала читать дальше. Первое место превосходило второе ровно на тридцать шесть

баллов — немудрено, что её назвали вырвавшейся далеко вперед. Тем не менее Ли Буфань вовсе не пала духом; лишь поправила пальцем золотую опрапу очков и безмятежно улыбнулась.

Та оказалась даже превосходнее, чем она себе представляла.

В этот момент Нин Сяодо тоже протолкалась к Ли Буфань и озадаченно спросила:

— Сестра, я же слышала, что на прошлом итоговом экзамене у Мин Мэй было пятьсот тридцать девять баллов? С чего это вдруг она набрала семьсот двадцать восемь? Неужели списала?

Услышав это, остальные тоже перевели взгляды на доску и загомонили на разные лады:

— Точно! Разве у нее не было 539? И вдруг сразу на двести баллов больше? Разве такое возможно?

— Может, ответы украла?

— Будь она такой гениальной, почему изначально не попала в первый класс, а оказалась в пятом?

— Даже для темной лошадки это чересчур. Я-то думал, как она умудрилась обойти Ли Буфань!

Окружающие наперебой принялись обсуждать новость, мгновенно сменив недавние восторги в адрес Мин Мэй на подозрения, среди которых то тут, то там звучали льстивые реплики в адрес Ли Буфань.

И как у них получается так быстро менять личины?

Ли Буфань нахмурилась. На её лице мелькнуло недовольство, и она холодно бросила:

— Мин Мэй не списывала.

Услышав голос Ли Буфань, толпа умолкла, устремив на нее взгляды.

Нин Сяодо тут же поинтересовалась:

— С чего ты взяла, что она не списывала?

Та ответила:

— Вы забыли, что Мин Мэй перевелась из Первой средней школы Цинлинь.

— Ну и что, что Первая средняя школа Цинлинь — элитное заведение, — недовольно надула губки Нин Сяодо, — это не повод превращать пятьсот баллов в семьсот.

Ли Буфань бросила на нее взгляд, словно оценивая умственные способности дурочки, а затем неторопливо произнесла:

— В Первой средней школе Цинлинь максимальный балл на экзамене — пятьсот пятьдесят.

Толпа умолкла.

Толпа предпочла ретироваться туда, где попрохладнее.

<http://bllate.org/book/24549/2879839>